

© 2002 г.

А.И. ЧЕРНЫХ

ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ НА ЗАПАДЕ (конец XX в.)

*ЧЕРНЫХ Алла Ивановна - доктор социологических наук, главный научный сотрудник
Института социологии РАН.*

Особенностью развития методологической составляющей социологии на протяжении, по крайней мере, последних трех десятилетий XX в. являются два основных процесса. Первый - это отказ от симбиоза натурализма и функционализма, обозначенного А. Гидденсом как "ортодоксальный консенсус", приведший к отказу от согласованности позиций внутри социологии и появлению большого числа разных школ и подходов. Второй - усиление взаимовлияний между социологией и рядом социальных дисциплин, прежде всего историей, философией, политологией, географией, демографией, приводящее к значительным сдвигам внутри предметной области социального знания. Представления структурного функционализма о мирном, опирающемся на развитие техники прогрессе было разрушено войной во Вьетнаме, студенческими волнениями в западном мире, совпавшими с выступлениями черных в США, экономическим спадом 70-х гг. Социология обратилась к анализу новых масштабных явлений в обществе - социальных движений (прежде всего женского и экологического), усилению административной власти государства, новым культурным измерениям современности. Это стало значимым импульсом развития, который отразился во всплеске интереса к истории обществ и в подлинном расцвете исторической социологии.

Рост интереса к исторической социологии отразился в журнальном буме. Начало ему было положено историком Сильвией Трапп, основавшей в 1958 г. журнал "Сравнительные исследования общества и истории" ("Comparative Studies in Society and History"). За ним последовали: с 1963 г. "История труда" ("Labor History"), с 1967 г. "Журнал социальной истории" ("Journal of Social History", Berkeley, с 1987 г. - Pittsburg), с 1970 г. "Журнал междисциплинарной истории" ("Journal of Interdisciplinary History"), с 1975 г. - "Журнал истории семей" ("Journal of Family History"), "Социальная история" ("Social History"), "История и общество" ("Geschichte und Gesellschaft"), с 1976 г. - "История социальной науки" ("Social Science History"). С 1988 г. выходит "Журнал исторической социологии" ("Journal of Historical Sociology", членом редколлегии которого являлся известный российский историк Арон Гуревич) и целый ряд других. Число исследований, носящих междисциплинарный характер, возрастало лавинообразно, что позволило Виктории Бонелл в конце 70-х годов констатировать: "социологическое изучение истории обретает полноправный статус внутри социологии" [1, p. 157].

Можно назвать даже точную дату институционализации нового направления социологического знания - 1983 год, когда в рамках Американской социологической ассоциации была создана секция исторической социологии.

Обратимся к дефинициям. Историческая социология, вызревшая в недрах социальной истории, до 70-х годов понималась чересчур широко, а потому абстрактно как "теория социальной эволюции и прогресса". Американский "Современный словарь по социологии" предлагает следующее определение: "Социология историческая - анализ исторических данных с целью получения социологических обобщений. Историческое исследование может включать в себя попытку открыть важные тенденции развития или изменения общества, или цивилизации, или оно

может быть ограничено анализом определенной проблемы. В последнем случае историческое исследование может просто заключаться в попытке проверки определенных ограниченных гипотез социального поведения, используя данные прошлого" [2, p. 403]. Автор статьи в немецком "Лексиконе социологии" проф. О. Рамштед предлагает различение, во-первых, "социологического направления исследования, которое понимает социальную реальность как продукт исторического становления. И.с. анализирует при этом исторически доказуемые, социально обусловленные возможности, которые подверглись отрицанию в ходе развития (возможности, которые не реализовались). В основном она воздерживается от любого рода прогнозов, рассматривая их как спекулятивный элемент теории", и, во-вторых, "обозначение социологического исследовательского подхода, который генерализирует исторические процессы в сравнении, чтобы получить из этого вневременные закономерности. Это направление играет роль, прежде всего, в теории социального изменения" [3, S. 721].

Можно предложить такое определение исторической социологии: это социально-научное исследование, которое конструирует или иллюстрирует теорию, уделяя особое внимание культурным, географическим и локальным временным факторам.

Ныне историческая социология (с точки зрения истории, - социологическая история) существует как самоосознанная исследовательская ориентация внутри каждой из "родительских" дисциплин. От популярных в 1950-60-е гг. представлений о том, что история изучает отдельные факты, тогда как социология формулирует общезначимые гипотезы [4, p. 22-23; 9, p. 143-164], в начале 80-х гг. перешли к идее союза этих дисциплин, выраженной Филиппом Абрамсом о неизбежно историческом характере социологического объяснения. Тем насущнее потребность очертить фундаментальные различия между историей и социологией, относящиеся к выбору стратегий и методов исследования.

Историческое исследование подчеркивает социокультурный контекст событий и "акторов" внутри широких областей человеческой культуры. Рассматривая события ранних этапов писаной истории, оно прибегает к помощи археологии и культурной антропологии. Исследуя периоды, где исторические источники слабы, историки исходят из предположения, что доиндустриальные общества характеризуются чертами, которых социологическая теория редко касается. Имплицитно историки отдают предпочтение исследовательским темам, которые возникают "из логики событий в данном месте и времени", то есть ограничены культурно и хронологически, что позволяет дополнить вторичные источники первичными текстами или архивными материалами.

Социологическое исследование подчеркивает роль и значение теоретических конструкций, уделяя особое внимание числовому выражению найденных социальных закономерностей, поэтому большинство социологических исследований занимается если и не прямо современностью, то, по крайней мере, периодом модернизации (индустриализации), для которого существуют точные статистические данные, на основе которых социологи способны делать свои выводы. Не без основания такой теоретик, как Э. Гидденс, утверждает, что социология «фокусируется на "развитых" или современных обществах» [5, p. viii]. Социологические техники и методы сбора информации: обследования, интервью, количественные исследования, анкеты, статистические процедуры, социально-психологическое экспериментирование, - крайне незначительно применяются историками. Большинство социологов выбирают такие темы исследований, которые предполагают концептуализацию, а их источники крайне редко включают архивные данные [6, p. 12]. Кажется, социологи более чем историки стремятся к сравнительному анализу, обходя национальные и временные границы в попытке отыскать обобщения в противоположность частным случаям историков. Поэтому социальная история, развившаяся на базе исторической дисциплины, занимается изучением живого опыта, тогда как историческая социология, по мнению Теды Скочпол, сосредоточивает внимание на анализе структурных трансформаций [7, p. 28].

Некоторые представители исторической социологии пытаются использовать существующие концепции и объяснения, предвзвременно прояснив их или осуществив верификацию. Однако большинство исследователей стремится "развить новые теории, способные обеспечить более убедительные и исчерпывающие объяснения исторических образцов и структур" [1, p. 161]. Проверая существующие теории, исторические социологи прибегают к дедукции (пытаясь обнаружить очевидность, которая подтверждает или опровергает теоретические предположения), сравнению (сопоставляя аналогичные примеры) или иллюстрации. В случаях сравнения и иллюстрации возможны два основных результата: либо эти случаи подчиняются набору общих гипотетических причинных факторов, дающих объяснение наличным историческим результатам, либо в них содержатся различия, расходящиеся с существующими историческими фактами [8, p. 378-379].

Манифестом сторонников исторической социологии является постоянно, из номера в номер публикуемое обращение к читателям редактора "Журнала исторической социологии", который "основывается на убеждении, что исторические и социальные исследования, в конечном счете, имеют общий предмет и могут только выиграть от обмена идеями и перспективами. Мы приветствуем статьи, которые способствуют исторически фундированному пониманию человеческих обществ, вне зависимости от их дисциплинарного происхождения или теоретической точки зрения".

В 70-80-е гг. появляется ряд работ ведущих представителей исторической социологии: Чарлза Тилли, Теды Скочпол, Иммануила Валлерстайна, - одно из следствий ренессанса классической социологии, в которой широко использовался исторический материал. В классических социологических работах К. Маркса "18 брюмера Луи Бонапарта" (1885) и Ф. Энгельса "Крестьянская война в Германии" (1870) основоположники марксизма искусно лавировали между анализом изменчивых кратко живущих явлений социально-политической жизни и уровнем социальной структуры как целого, давая важные примеры исторически укорененного материалистического анализа. Погруженный в античную и средневековую историю Востока и Запада М. Вебер считал, что благодаря использованию идеальных типов исследователи могут понять, с одной стороны, взаимосвязи и культурное значение индивидуальных событий в их современных проявлениях, а с другой - причины их исторического существования так, а не иначе. Правда, некоторые современные исследователи, обращаясь к источникам, с которыми имел дело Вебер, ставят под сомнение важнейшую часть веберовской аргументации, - интерпретацию им теологических текстов. По мнению М. МакКиннона [9; 10] и С. Кента [11], Вебер совершенно неправильно понял их, а потому и неверно проинтерпретировал, исказив дух традиций пуританизма. Тем не менее, "Протестантская этика и дух капитализма" остается блестящим примером исторически фундированных социологических штудий.

Алексис де Токвиль, ценимый как историк и политический мыслитель, важен для исторической социологии исследованиями двух процессов - демократизации (в Североамериканских Соединенных Штатах) и политической централизации (на примере Франции), остающихся важными темами исторической социологии.

Полярные оценки даются исследованиям Эмиля Дюркгейма. По мнению Роберта Беллы, "история всегда была центральной по значимости для социологической работы Дюркгейма" и даже еще сильнее - "кое-где Дюркгейм доходит до того, что спрашивает, могут ли история и социология рассматриваться как две различные дисциплины" [12, р. 453-454]. Петр Штомпка назвал творчество Дюркгейма "ранней формой аисторицизма" [13, р. 324]. Более взвешенной выглядит интерпретация Ф. Абрамса, считающего, что Дюркгейм отождествлял широкий процесс трансформаций, происходивших в его время в странах Западной Европы, с индустриализацией, хотя его "чрезмерно обобщенная работа сдержит специфически детализированные исторические разработки" [14, р. 32]. По мнению С. Кента, наибольшие результаты в исторической социологии получены при исследовании четырех предметных областей: развитие капитализма, рост национальных государств и систем государств, коллективные действия и социология религии [15, р. 839].

Исследования капиталистического развития включают такие темы, как возникновение и последовательность этапов индустриальной революции, появление рабочего класса, рост народонаселения и развитие современной мировой системы. Образцами здесь являются "Социальное изменение в ходе индустриальной революции" Н. Смелзера [16] и "Современная мир-система" И. Валлерстайна [17]. Отгалкиваясь от теории действия Парсонса, Смелзер строит теорию среднего уровня в виде предполагаемой универсальной последовательности всех изменений в индустриализирующихся обществах, включая структурную дифференциацию. Для иллюстрации своей конструкции он использует экономические изменения в британской хлопчатобумажной промышленности на протяжении XIX столетия, дополненные примерами изменений в образе жизни и деятельности рабочих этих отраслей. Однако эти исторические факты вторичны по отношению к самой модели.

Валлерстайн заимствовал из марксизма и функционализма теорию "мировой системы" глобальной экономики. Он доказывает, что с конца XV - начала XVI столетий "мировая экономика" развивалась в виде экономически успешных и политически сильных зон, названных "государствами центра", доминирующими над "периферийными зонами". Через "полупериферийные зоны", служащие "посредствующими" торговыми группами в "империи", ресурсы перекачиваются с периферии в центр для развития производства и потребления, и нередко в переработанном виде экспортируются назад, в места их добычи [17, р. 348-350]. Валлерстайн упорядочивает исторические факты, демонстрирующие глобальный процесс складывания

мировой экономики в различных национальных государствах, благодаря чему, по мнению Ч. Тилли, "он значительно продвинул вперед серьезное историческое исследование внутри социологии" [18, p. 42].

Е. Томпсон обращается к социологическому понятию "класс" и прослеживает историческое развитие описываемого им феномена в Англии между 1780 и 1832 гг. - до первой парламентской реформы. По его мнению, самая совершенная социологическая модель не может дать чистого образца класса, поскольку он воплощен "в реальных людях и в конкретном историческом контексте" [19, p. 9]. К концу изучаемого им периода "вызрело более ясно определенное классовое сознание, в традиционном марксистском смысле, что означало осознание рабочими как старых, так и новых классовых битв в качестве их собственного дела" [19, p. 712]. Исследование Е. Томпсона стоит в ряду лучших образцов исторически проработанного социологического анализа.

В отличие от экономически ориентированных исследований развития капитализма второе направление исторической социологии: изучение формирования и развития национальных государств и их государственных систем - носит преимущественно политический характер, обращаясь к таким темам, как бюрократизация государственной власти, демократизация политики, революции и взаимодействия наций на международной арене. Три этапных работы в этом направлении исторической социологии принадлежат Ш. Эйзенштадту, Б. Муру и Т. Скочпол. Эйзенштадт в работе "Политические системы империй" (1963) анализирует систему политического господства в 22 доиндустриальных обществах, представлявших собой централизованные бюрократические империи. Систематизировав их социальные, политические и управленческие принципы, он пришел к выводу: "в любом из исторических бюрократически управляемых обществ длительное преобладание бюрократии определялось характерной для данного общества природой политического процесса, обусловленного, во-первых, политикой правителей, во-вторых, ориентациями, целями и политической активностью слоя принцев, и, в-третьих, внутренними связями между этими двумя обстоятельствами" [20, p. 362].

Case studies революций в Англии, Франции, Соединенных Штатах, Китае, Японии и Индии, осуществленные Б. Муром, имели целью "понять роль владеющих землей высших классов и крестьян в буржуазных революциях, ведущих к капиталистической демократии, прерывание буржуазных революций, ведущее к фашизму, и крестьянских революций, ведущих к коммунизму" [21, p. xvii]. Его симпатии - на стороне политических и социальных систем, поощряющих свободу, однако он осознает важность "насиленного прошлого" в развитии демократии в Англии, Франции и США. Он делает вывод, что "независимое дворянство является существенной составляющей в росте демократии" [21, p. 417], хотя и признает, что попытки знати освободиться от королевского контроля являются крайне неудачными для западной версии демократии, если они предпринимаются вне контекста буржуазной революции.

Т. Скочпол исследует причины и ход революций во Франции, России и Китае с точки зрения неволютаристской структурной перспективы, уделяя внимание как международным и всемирно-историческим, так и внутринациональным структурам и процессам. Она специально анализирует роль государства как потенциально автономной организации, в рамках которой формируются классовые структуры и международные отношения. Ее вывод: "революционные политические кризисы, достигавшие своей кульминации в административных и военных поражениях, возникали потому, что государства-империи оказывались в ловушке перекрещивающегося давления между усиливающейся военной конкуренцией или внешним вторжением, с одной стороны, и возрастающим в этих условиях прессингом на монархию со стороны существующих аграрных классовых структур и политических институтов - с другой" [22, p. 285].

Возрастает количество исследований возникновения и развития религиозных традиций, осуществляемых, в русле исторической социологии. Они выгодно отличаются от традиционных работ историков и социологов, ограничивающихся политическими и структурными последствиями изучаемых феноменов, остающихся фактически в рамках науки XVIII и XIX столетий. Так, Г. Свенсон обработал материалы по пятидесяти обществам охотников и собирателей в попытке связать религию и магию с социальной структурой и проанализировать взаимосвязи между существующими структурами и религиозными верованиями в период Реформации [23]. Возникновение и раннее развитие большинства религиозных традиций привлекло значительное внимание социологов, к примеру, анализ раннего христианства как социального движения [24], движение миллениаризма [25]. Понятия, применяемые при социологическом изучении современного сектанства, используются в исследованиях одного из направлений буддизма - махаяны [26] и гностицизма Св. Валентина [27]. Веберовское наследие продолжает влиять на исторически углубленные исследования многочисленных мировых религий, включая античный иудаизм [28], ислам [29] и религиозные традиции по всему миру [30].

Исторически фундированные исследования по социологии религии (Ш. Эйзенштадт и др.) наводят на мысль, что исследования в области исторической социологии продолжатся за пределами современных макросоциологических тем на просторах предсовременных исторических зон. Таким же образом исторические результаты будут более осознанно развиваться в микросоциологические исследования, писал Ф. Абрамс [14, р. 227-266]. Тогда появятся более социологически "осведомленные" исторические исследования культурного развития (до сих пор представленные лишь работами Норберта Элиаса [31]). Тем не менее, значительное макросоциологическое исследование до сих пор нуждается в опоре на исторические источники.

С точки зрения методологии можно говорить о трех основных направлениях, проявившихся внутри исторической социологии до конца 80-х гг. Представители первого - "выходцы" из социальной истории - полностью отошли от нее, обратившись к исследованию социологических проблем, а именно изучению макроструктурных процессов большой протяженности. Особое распространение получили исследования макроструктурных изменений в связи с социальными движениями в духе Ч. Тилли. Другие, сохранив верность исторической тематике, обратились к исследованию особенностей функционирования социальных групп, вовлеченных в процессы модернизации в широком смысле, - индустриализация, урбанизация, пролетаризация и т.п. Странники третьего направления работают на микроуровне, исследуя проблемы взаимодействия социальных структур с конкретной деятельностью людей.

С конца 1980-х - начала 90-х гг. возрастает число работ по социологии культуры и истории ментальностей, в том числе религиозного сознания; начинает заявлять о себе социология эмоций, развивающаяся на базе истории ментальностей. Предметом ее является изучение социальной функции человеческих чувств, эмоциональной стороны профессиональной деятельности, семейной жизни, воспитания детей, исторически отслеживаемых в их изменяющихся формах выражений эмоций: горя, гнева, скорби, любви. Как подчеркивает теоретик этого направления П. Стирнс, социология эмоций - не обычная психистория, а исследование эмоциональных проявлений ментальное™, "социально-эмоционального процесса" [32].

Разнообразие направлений и позиций, нарастающее в последние годы, ставит под угрозу возможность для отдельного ученого обозреть даже собственное проблемное поле в родном языковом пространстве. Единственным выходом из этой ситуации представляется выработка некой социальной теории как общей основы эмпирических исследований. Сопоставимость отдельных эмпирических исследований в наибольшей степени зависит от господствующих в настоящее время подходов к объектам исследования, от социальной теории, которой ученые явно или неявно руководствуются. В социальной теории, формирующей концепции "общества", "класса" и "слоя", "субъекта" и "актора", "структуры" и "практики", "экономического", "социального", "культурного" - ключ к целостности современной и будущей социальной науки. Если социологи, культурантропологи, этнологи, политологи и представители других гуманитарных наук при выработке теорий будут учитывать исторический характер своих объектов исследования, различия между ними и социальной историей будут уменьшаться. Результатом стирания этих различий явилось бы возникновение специализированной и высокоинтегрированной "исторической социальной науки", способной интерпретировать, систематизировать, квантифицировать, рассказывать и объяснять [33, р. 230-237]. Эта наука не догматизировала бы какой-либо один подход, а выбирала бы методы и характер изложения, соответствующие поставленной проблеме. Грани между объектами исследования не должны более оставаться границами для мышления. Ибо, говорил Макс Вебер, в основе деления наук лежат "мысленные" связи проблем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Bonnell V.E.* The Uses of Theory, Concepts, and Comparison in Historical Sociology // *Comparative Studies in Society and History*, 1980. № 22.
2. *Theodorsen G., Theodorsen A.* A Modern Dictionary of Sociology. N.Y. 1962.
3. *Lexikon zur Soziologie.* Herausgeb. von *W. Fuchs-R. Klima-R. Lautman-O. Rammstedt-H. Wienold.* 2. vebr. u. erweit. Aufl. Opladen, 1978.
4. *Upsset S.M.* History and Sociology: Some methodological considerations / *Lipset M.S., R. Hofstadter* (eds.): *Sociology and History: Methods.* NY, 1968.
5. *Giddens A.* The Constitution of Society: Outline of a Theory of Structuration. Cambridge, 1984.
6. *Schwartz M.A.* Historical Sociology in the History of American Sociology // *Social Science History.* 1987. № 11.
7. *Skocpol Th.* Social History and Historical Sociology: Contrasts and Complementarities // *Social Science History,* 1987. № 11.

8. *Skocpol Th.* Emerging Agendas and Recurrent Strategies in Historical Sociology / *T. Skocpol (ed.)* Vision and Method in Historical Sociology. Cambridge, 1984.
9. *MacKinnon M.H.* Calvinism and the Infallible Assurance of Grace: The Weber Thesis Reconsidered // *British Journal of Sociology*, 1988. № 39.
10. *MacKinnon M.H.* Weber's Exploration of Calvinism // *British Journal of Sociology*, 1988. № 39.
11. *Kent S.A.* The Quaker Ethic and the Fixed Price Policy: Max Weber and Beyond // *W.H. Swatos (ed.)* Time, Place, and Circumstance: Neo-Weberian Studies in Comparative Religious History. Westport, 1990.
12. *Bellah R.N.* Durkheim and History // *American Sociolog. Review*, 1959. № 24.
13. *Sztompka P.* The Renaissance of Historical Orientation in Sociology // *International Sociology*, 1986. № 1.
14. *Abrams P.* Historical Sociology. Shepton Mallet, 1982.
15. *Kent S.A.* Historical Sociology // *E. Borgatta, ed.* Encyclopedia of Sociology. NY, 1992. Vol. II.
16. *Smelser N. J.* Social Change in the Industrial Revolution: An Application to the British Cotton Industry. Chicago, 1959.
17. *Wallerstein I.* The Modern World System. NY, 1974.
18. *Tilly Ch.* As Sociology Meets History. NY, 1981.
19. *Thompson E.P.* The Making of the English Working Class. L, 1963.
20. *Eisenstadt S.N.* The Political Systems of Empires. NY, 1963.
21. *Moore B., Jr.* Social Origins of Dictatorship and Democracy. Boston, 1967.
22. *Skocpol Th.* States and Social Revolutions. L, 1979.
23. *Swanson G.* Religion and Regime: A Sociological Account of the Reformation. Ann Arbor, 1967.
24. *Blast A.J.* Early Christianity as a Social Movement. NY, 1988.
25. *Gager J.G.* Kingdom and Community: The Social World of Early Christianity. Englewood Cliffs, 1975.
26. *Kent S.A.* A Sectarian Interpretation of the Rise of Mahayana // *Religion*, 1982. № 12.
27. *Green H.A.* Ritual in Valentinian Gnosticism: A Sociological Interpretation // *Journal of Religious History*, 1982. № 12.
28. *Zeitlin I.* Ancient Judaism: Biblical Criticism from Max Weber to the Present. NY, 1984.
29. *Turner B.S.* Weber and Islam: A Critical Study. L, 1974.
30. *Swatos W.H., Jr.* (ed.) Time, Place, and Circumstance: Neo-Weberian Studies in Comparative Religious History. Westport, Conn, 1990.
31. *Elias N.* The Civilizing process. Vol. 1. The History of Manners. NY, 1978.
32. *Stearns P.N.* Sociology of Emotions // *Journal of Sociol. History*, 1989. № 3. V. 22.
33. *Rusen J.* Narrativitat und Modernitat in der Geschichtswissenschaft / *P. Rossi (Hg.)*. Theorie der modernen Geschichtsschreibung. Frankfurt am Main, 1987. S. 230-237.